

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

«wristers»), эквивалента для которого в переводе не обнаруживается. «Wrist» переводится как запястье, добавленный поэтом суффикс «-er» делает запястье инструментом или механизмом войны – солдаты держат в своих руках автоматы и бросают гранаты. Если рассматривать значение этого слова с такой точки зрения, то его перевод на русский язык очень проблематичен, очевидно поэтому переводчик отказался от воссоздания внутренней формы неологизма Каммингса в пользу сохранения композиции и звучания, которых ему удалось добиться на русском языке.

Результаты анализа показали, что Британишскому удаётся создать на русском языке репрезентативные поэтические тексты, отражающие главные особенности поэзии Каммингса как поэта-авангардиста. В то же время иногда, как в случае с неологизмами, Британишский отказывается от воссоздания поэтических приемов Каммингса, если не видит возможности воссоздания их функций средствами языка перевода. В связи с этим представляется перспективным сравнение переводов Британишского с другими русскоязычными переводами поэзии Каммингса.

Литература

1. Британишский В.Л. От Уитмена до Лоуэлла. Американские поэты в переводах Владимира Британишского. М. : Аграф, 2005. 288 с.

2. Cummings E.E. Complete Poems, 1904–1962. N.Y. : Liveright Publishing Corporation, 1991. 1102 p.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-110

ON THE IMPLICATION OF MIKHAIL BAKHTIN'S «GROTESQUE BODY» TO THE SCHOLARLY COMPREHENSION OF JOACHIM RINGELNATZ'S PROSE

Duleba M.

Comenius University in Bratislava, master student

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ «ГРОТЕСКОГО ТЕЛА» М. БАХТИНА В ПРОЦЕССЕ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОЗЫ ИОАХИМА РИНГЕЛЬНАЦА

Дулеба М.

Университет Коменского в Братиславе, магистрант

The article responds to the previous discourse on the grotesque dimension of Joachim Ringelnatz's prose and explains how the grotesque of Joachim Ringelnatz functions as an aesthetic realization of the «grotesque body». Thus, the new and more

productive contextualization of the grotesque dimension of the authors prose takes place.

Key words: Joachim Ringelnatz, Mikhail Bakhtin, grotesque body, theory of grotesque.

В статье мы полемизируем с существующим дискурсом о гротескной сущности прозы Иоахима Рингельнаца и предлагаем новый подход, состоящий в рассмотрении гротеска у Иоахима Рингельнаца как эстетической реализации «гротескного тела». Таким образом, контекстуализация гротескного измерения прозы автора приобретает не только новый размер, но и, потенциально, новую методологию исследования.

Ключевые слова: Иоахим Рингельнац, Михаил Бахтин, гротескное тело, теория гротеска.

Научный руководитель: Й. Танцер, канд. филол. наук, доцент Университета Коменского в Братиславе (Словакия).

Joachim Ringelnatz (Hans Böttcher, 1883–1934) belongs among the most popular German poets of the 20th century. Nevertheless, the scholarly interest in him is minor and the majority of literary lexica's implicitly suggest that his work lacks a «serious value» [1. S. 166–69]. Already in his lifetime, Ringelnatz was seen as a «comedian» with nothing «deep» to offer [1. S. 169]. Colin Butler in the 1970s continues to cultivate the popularized myth of Ringelnatz being a «primitive» author, even suggesting that he should be read «simply» [1. S. 187].

Ringelnatz inclines towards the grotesque and «bodily». Following Wolfgang Kayser's theory of the grotesque, Butler criticized the grotesque collection of short stories *Nervosipopel: Elf Angelegenheiten* (1924) for the absence of «metaphysics», for being «only interested in their local illogical effect» [2. S. 230]. Although such a view is misleading, Colin Butler remains the only one who addressed the «grotesque» as a genre in relation to Ringelnatz's work. His judgement implies an expectation that the «grotesque» must be «serious» and involve something «abstract» and «metaphysical» [3. S. 145]. Such expectation is motivated by the popular at the time Kayser's theory of the grotesque. His interpretation of the grotesque genre is only concerned with its romantic and modernist forms, ignoring the history of the genre. Therefore, it, as a rule, involves a «terrifying tone of the grotesque world that alone the author sees» [4. P. 47–48].

However, the grotesque of *Nervosipopel: Elf Angelegenheiten* is not one of Kafka's *Metamorphosis*. It does not displace subjects' alienation to the world; whereas due to preoccupation with romantic and modernist forms Kayser thought the grotesque does as a rule. On the contrary, it is the grotesque that, in

accordance with Bakhtin's conception of «grotesque realism», connects the subject with the material world and points on the material heteronomy of human existence. Romantic grotesque is «gloomy», but in the middle ages and Renaissance, it liberated «the world from all that is dark and terrifying» and therefore was «gay» and «bright» [4. P. 47–48].

Correspondingly, in the short story *Abseits der Geographie*, the charioteer Porösel finds himself in a utopic platform which is a grotesque liberation from the physical pain as it is characterized by its absence: «Dortzulande tat nichts weh» [5. S. 829]. Here the grotesque body, which is «not separated from the rest of the world» and is «unfinished, outgrows itself, transgresses its own limits», which depicts the dynamic material «movement» of human existence [4. P. 26]. Correspondingly, Porösel puts his nose into the cutting-machine, grinds it, throws the smashed pieces of his nose into the garden and observes how other bodies grow out of his dissolved body parts: «Er tauchte seine Nase in die Fleischmaschine, verstreute die herausgedrehten Würmer aus Nase im Garten und freute sich darauf ... wie sich im Garten sein stattlicher Nachwuchs entwickelte» [5. S. 830]. The unity of one material body with other material bodies, the heteronomy of the material constellation of existence are highlighted. In accordance with the grotesque realism, such body opposes the «serious» conception of «the completed atomized being» [4. P. 24]. His body enabling material growth of other bodies, «the very act of becoming and growth, the eternal incomplete unfinished nature of being» [4. P. 52] is manifested. Not only does his body give birth to other bodies, but also his nose manifests the act of «becoming and growth» since it grows back after being smashed: «Herr Porösel war froh, als ihm eine neue Nase wuchs» [5. S. 829].

The nose becomes the centre of attention. Thus, according to the grotesque body, the stress is laid on «the parts through which the world enters the body or emerges from it» [4. P. 26] depicting material unity of the body with the world. The grotesque body is not static but always in a state of materialistic movement, always in the process of change and renewal [4. P. 50]. Thus, the materialistic movement is depicted by an immediate bodily growth. In this platform, lost body parts always grow back. Moreover, the new body grows from the lost body part expressing the state of eternal material movement/growth: «Wenn einem beim Duell ein Ohr oder sonst ein Glied abgeschlagen wurde, so wuchs innerhalb von acht Tagen erstens ein neues Ohr an den Menschen und zweitens ein neuer Mensch an das Ohr» [5. S. 830].

Porösel lets his teeth be removed and then hammered back into his mouth [5. S. 830]. Correspondingly, to the grotesque body, the stress is again on the

movement between the body and the surrounding world, and on the body part through which the body enters the world and vice-versa, the mouth. The grotesque body as a variation of «imperative to displace, transcend, or recontextualize that which causes physical pain» [6. P. 646]. It does not feel pain, and «getting outside of the body means first of all getting to a place that no longer hurts» [6. P. 646]. Therefore, the grotesque of Ringelnatz is not one lacking philosophical value, but the one which is an aesthetic carnival reaction to the crisis of society, a utopic platform in which the body no longer hurts as it explicitly does when Porösel's feet «should» be injured: «Obwohl der Kutscher nicht den geringsten Schmerz verspürte» [5. S. 830]. The theme of war is addressed in the text but its pain is transformed into the «merry» material renewal: «wo doch jeder Heerführer beglückt sein müßte» [5. S. 831].

Under the influence of Kayser's theory, Butler fails to see the «material» aspect of the grotesque of Ringelnatz because, as Bakhtin writes, «in Kayser's concept there is no room for the material bodily principle with its inexhaustible wealth and perpetual renewal» [4. P. 48]. Instead of displaying alienation of the subject to the world as a representative grotesque of modernism, it displays «merry» material reconnection of the subject with the materialistic world. Bakhtin proves that «the material» can be of a much higher philosophical value than the «abstract» and «elevated» one. Butler is paradoxically right when he points here to the lack of metaphysics. In accordance with the grotesque realism, the text does not incline towards the «relative» and «abstract» but is preoccupied with «the material». His grotesque does not fail to meet «gloomy» tone of modernism but is «merry» and, thus, traceable to its forms in the middle-ages and Renaissance. It is not «a local illogical effect», as Butler suggests [2. S. 230], but a carnival (materialistic) reaction to the time.

References

1. Möbus F. Über die dunkle Seite im Werk von Joachim Ringelnatz // Ringelnatz! Ein Dichter Malt seine Welt. Göttingen : Wallstein Verlag, 2000. S. 166–187.
2. Walter P. Joachim Ringelnatz: Parodie und Selbstparodie in Leben und Werk. Berlin : De Gruyter, 1974. 457 s.
3. Butler C. Ringelnatz und seine Zeit // Die Sogenannten Zwanziger Jahre. Berlin : Bad Homburg Verlag, 1970. S. 143–167.
4. Bakhtin M. Rabelais and His World. Bloomington : Indiana University Press, 1984. 484 p.
5. Ringelnatz J. Gessammelte Werke. Köln : Anaconda Verlag, 2015. 894 s.
6. Emerson C. Shklovsky's ostranenie, Bakhtin's vnenakhodimost' // Poetics Today. 2005. 4 (26). P. 637–664.